

Давыдова Елена Андреевна

аспирант отдела этнографии Сибири
Музея антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамеры)
Российской академии наук

**«ПРОЦЕДУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ»
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА
ЧУКЧАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
КОНЦА XVIII–XIX ВВ.)**

Аннотация:

В статье показаны некоторые особенности диалога, происходившего между Российским государством и коренным населением Северо-Востока Сибири – чукчами – в конце XVIII – XIX вв. На основе анализа ряда описаний путешественников сделан вывод об избирательном и прагматическом использовании чукчами новых реалий социальной жизни, внедрявшихся колонизатором.

Ключевые слова:

чукчи, политическое сопротивление, колонизация, подданство, власть, пластичность власти, тойон, эрым, ясак.

Davydova Elena Andreyevna

PhD student,
Department for Ethnography of Siberia,
Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences

**PROCEDURES OF PUBLIC ORDER
"CONSUMPTION" BY CHUKCHI
(CASE STUDY OF DATA OF
THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES)**

Summary:

The article considers some features of the dialogue between the Russian Empire and the indigenous people of northeastern Siberia – Chukchi – at the late XVIII – early XIX century. By studying a number of travelers' descriptions it is concluded that Chukchi used the new social realities, which had been introduced by the colonizer, selectively. Local people acted rather pragmatically and in their own interests.

Keywords:

Chukchi, political resistance, colonization, citizenship, power, flexibility of government, toion, erym, yasak.

Российские власти, осуществляя действия, направленные на приведение чукчей в подданство, так и не достигли окончательно своей цели: чукчи не стали исправными плательщиками ясака, не перестали торговать с американцами, не уверовали во Христа [1, с. 102–128, 135–152; 2]. Возникает вопрос: почему действия государственной власти приводили не совсем к тому, чего эта власть добивалась?

На данную особенность отношений колонизатора и колонизируемых обратил внимание М. де Серто, приводя в пример коренное население Америки. Исследователь писал: «...давно изучена та двойственность, которая подтачивала изнутри “успех” испанских колонизаторов, завоевавших индейские народности: эти индейцы, подчиненные и даже изъявляющие согласие, делали из ритуальных действий, репрезентаций и законов, которые им навязывались, нечто иное, нежели то, что изначально рассчитывали получить завоеватели» [3, с. 41]. Причиной этого феномена, по мнению автора, был «способ использования» навязываемого индейцам порядка [4, с. 41]. Они не отвергали и не меняли его, но подрывали его изнутри. Индейцы «были другими, даже находясь внутри колонизации, которая “ассимилировала” их внешним образом» [5, с. 41–42]. В результате «использование ими господствующего порядка осуществлялось в обход власти, которую у них не было средств отвергнуть: они уклонялись от нее, оставаясь внутри сферы ее действия. Сила вносимого ими отличия состояла в “процедурах потребления”» [6, с. 42].

Полагаем, что схожим образом можно описать и отношения представителей российской власти и чукчей. Добавим только, что использование коренным населением навязываемого порядка происходило не только в обход власти, но и в интересах самих «пользователей». В связи с этим предлагаем сделать предметом анализа «процедуры потребления» чукчами порядков, внедряемых Российским государством.

Одним из способов осуществления контроля над коренным населением было действие через местных лидеров – богатых стадовладельцев, крупных торговцев, владельцев байдар. Фактически это была политика косвенного управления, аналогичная той, которую проводила Великобритания в своих колониях [7, с. 37]. Представители государственной власти выбирали среди чукчей глав семейно-хозяйственных коллективов, так называемых эрымов [8; 9, с. 173] (старост, тойонов). Через них осуществлялся сбор ясака. Они вносили ясак за всех своих «подчиненных», то есть членов семьи [10, с. 388].

Так как избранные начальники были людьми состоятельными, плата налога не была для них обременительной. К тому же за внесение ясака предполагались «подарки» от русского царя, которые порой превышали стоимость самого налога [11, с. 139, 141]. Более того, чукчам разрешалось

вносить его нерегулярно, в любом размере и любыми шкурами. В результате внесение ясака воспринималось чукчами как обменные действия, в которых заинтересованы обе стороны, а не как проявление признания чукчами над собой русской правительственной власти [12; 13, с. 144].

Помимо этого, сам характер власти эрымов в чукотских стойбищах и поселках являлся не совсем тем, чего ожидали русские чиновники. Последние рассчитывали, что влияние избранных старост будет стабильным и даже наследственным; что их власть будет распространяться на достаточно большие территории – целые области; что авторитет их среди местного населения будет неоспорим.

В реальности все получалось несколько иначе. А.В. Олсуфьев, например, писал, что «чукотский тайон, несмотря на внимание к нему нашего начальства и на получаемые знаки отличия, не имеет для них ни малейшего значения. Хотя сам тайон, благодаря медалям и расшитому кафтану, приобретает некоторую заносчивость, но этим он только раздражает своих соплеменников, которые в глаза смеются над ним и его фиктивной властью и нередко грозят ему физической силой, проявление которой только и уважается чукчами» [14, с. 108–109]. Упомянутый тойон получил свое звание по наследству, но, растеряв стадо, нажитое его дедом и отцом, то есть показав себя нерадивым хозяином, человеком, лишенным «коленного счастья», утратил вместе с ним и влияние.

Полагаем, что русские с их представлениями о «вертикальной иерархии» [15, с. 33] не учитывали пластичность власти у чукчей, которая зависела от многих факторов. Оказываемое внимание и почет со стороны русских был лишь одним из таких факторов, который в совокупности с другими (например, физической силой, богатством, хорошим родственным «капиталом») мог действительно обеспечить человеку большой авторитет. Но ни масштабы его влияния, ни ее территориальная и временная протяженность не могли быть четко определены, так как они зависели в целом от конкретной жизненной ситуации.

В качестве примера можно привести историю Амвраоргина, который был чукотским эрымом во времена экспедиции колымского исправника, Г.Л. Майделя, в конце 1860-х гг. Уже его дед и отец были очень состоятельными и влиятельными оленеводами [16, с. 142, 146; 17, с. 94–95]. Амвраоргин сохранил и даже расширил богатства и влияние, нажитые его дедом и отцом. Его авторитет основывался на хорошей славе его предков, огромном процветающем стаде (по сведениям Г.Л. Майделя, оно насчитывало 40 000 голов), грамотной политике родства (он выгодно сосватал своих сына и дочерей за богатых чукчей), физической силе и ловкости, в частности умении владеть копьем, а также знаках внимания, оказываемых ему русскими чиновниками [18, с. 95, 97].

Тем не менее даже такому очевидному лидеру не все чукчи желали подчиняться. Его влияние ограничивалось группой оленеводов, кочевавших в районе рек Большого и Малого Анюев [19, с. 97]. Береговые чукчи с мыса Пээк, например, ничего не хотели о нем знать, несмотря на настойчивые убеждения Г.Л. Майделя признать Амвраоргина их главой [20, с. 96].

Колымский исправник был последовательным сторонником политики косвенного управления. Он считал, что вся трудность подчинения чукчей связана с отсутствием у них признанных начальников больших родов или территорий [21, с. 90–94]. Его идеалом было сделать из Амвраоргина главного чукотского эрыма. Для достижения этой цели он использовал различные средства. Во-первых, Г.Л. Майдель одаривал Амвраоргина и его родственников и друзей подарками [22, с. 192]. Во-вторых, если кто-либо из чукчей хотел встретиться с колымским исправником, то должен был просить Амвраоргина организовать встречу. В-третьих, Г.Л. Майдель делал выговор тому, кто представлялся начальником, указывая такому человеку, что он может считать себя только помощником Амвраоргина [23, с. 101]. То есть он всячески давал понять остальным чукчам, что русские считают Амвраоргина главным среди чукчей и все взаимодействие должно происходить через него.

Однако все его старания не привели к желаемым результатам. Амвраоргин, как и его отец, мог распространять свое влияние только в рамках своего семейно-родственного коллектива и на ближайшие соседние хозяйства. Более того, в 1881 г. Амвраоргин умер и его должность унаследовал его сын – Афанасий Амраургин. «Он еще больше, чем отец, старался служить самодержавию, но скоро разорился, потерял оленей и уже не пользовался никаким почетом и авторитетом у соплеменников», последние посмеивались над его притязаниями [24, с. 248].

Таким образом, идея строгой наследственности власти и, соответственно, наследственности подданства, внедряемая представителями государственной идеологии, также не прижилась у чукчей. Ведь власть, которой обладал тот или иной человек, какой бы большой она ни была, зависела от многих факторов. Многие из них были связаны с личными харизматическими качествами лидера. «Зафиксировать» распределение власти у чукчей оказалось невозможно. Власть сохраняла свою пластичность. Более того, русские порядки становились очередным средством, обеспечивающим данную пластичность.

Амвраоргин, как, впрочем, его дед и отец, использовал в своих интересах действия представителей российской власти. Знаки внимания со стороны русских давали ему материальное и

символическое превосходство в рамках локального сообщества. Чукчи в XIX в. уже не могли обходиться без «русских» товаров, таких как чай, табак, железо, оружие и т. д. В связи с этим налаженные связи с русскими ценились среди чукчей. Они служили «социальным капиталом» человека, часто «представляемым символически» и конвертируемым в «экономический капитал» [25]. Символические подарки в виде медалей, кортиков, кафтанов, официальных документов являлись гарантом того, что их обладатель пользуется уважением у русских и находится с ними в дружеских отношениях.

Чукчи выстраивали свои отношения с русскими именно по модели дружеских, причем понимаемых как личные связи конкретных людей, основанных на реципрокности, или взаимности. В качестве иллюстрации можно привести поведение тойона Имлерата, бывшего проводником и помощником капитана И.И. Биллингса и его экипажа в конце XVIII в. Когда капитан прибыл в его стан, то был встречен очень гостеприимно. Хозяин обменялся с И.И. Биллингсом рубашками в знак их союзничества [26, с. 238]. Капитан, в свою очередь, щедро наградил чукчу различными подарками: он «подарил старшине Имлерату 5 пуд табаку, 3 пуда стеклянных пронизок, 2,5 пуда железа, наковальню, большой молот, два топора, десять наилок и разных мелочных вещей, как то: ножей, ножниц, зеркал, игол и прочего. Имлерат пожелал иметь ружье, которое и дали ему, одно из казенных, с малою частию пороха и дробы. Сверх того выпросил он еще листовой меди» [27, с. 239]. Имлерат же обещал всячески содействовать капитану в его делах. Подойдя к нему и взяв его за руку, чукча торжественно сказал: «Мы, старики, объявляем, что по всему нами примеченному предприятия ваши будут счастливы и кончатся с желаемым успехом. Бог в первый еще раз послал к нам русских с дружеским намерением и для пользы нашей. Вы желаете узнать моря и земли наши и наградить нас щедро; мы же будем навсегда вашими неразрывными союзниками» [28, с. 241].

Дружество понималось прагматически. Чукчи использовали свою дружбу с русскими в своих интересах. Так как русские заводили дружбу прежде всего с людьми уважаемыми и влиятельными, то многие чукчи стремились такими и предстать перед ними. По крайней мере, чукотские старшины всегда пользовались данным преимуществом при взаимодействии с русскими людьми.

Например, некоторые представляемые Г.Л. Майделю чукчи характеризовались Амвраоргином как «очень уважаемые люди». Они всегда просили у исправника бутылку водки. Русский чиновник не мог отказать в оказании им чести получше их угостить [29, с. 213]. Чукчи поняли иерархическую структуру, которая присутствовала в мировосприятии чиновника и определяла его действия в ходе коммуникации с местными жителями, и использовали ее в своих интересах.

Показательно также поведение одного чукчи, посетившего корабль Ф.П. Врангеля. Он пришел в сопровождении еще двух местных жителей и объявил, что является главой чукотских племен. В конце встречи он просил «походатайствовать, чтобы белый царь прислал ему железный котел и мешок табаку» [30, с. 294–297]. Чукча фактически воспроизвел насаживаемую русскими идею о щедрости и заботе русского царя над своими подданными, особенно теми, кто занимает более высокую в государственной иерархии позицию.

Не случайно, что «почти все гости» корабля «выдавали себя за старшин и требовали подарков более других». Путешественники шли на поводу у местных жителей, так как формально поведение последних соответствовало понятной и близкой им идее «иерархичности». В результате весь запас табака путешественников «весьма скоро истощился» [31, с. 297]. Чукчи, таким образом, используя логику колонизатора, манипулировали им.

Манипулировать пытались и посетители шведского корабля «Вега». А.Е. Норденшельд описал нескольких чукчей, которые настойчиво демонстрировали свой статус глав общин [32, с. 102–103, 159–163, 259, 342–343]. Мореплаватель высказывал сомнения по поводу их притязаний [33, с. 102–103]. Однако для нас не столь важно, насколько широко распространялась власть этих людей и кто был у них в подчинении. Здесь важно отметить, что они хотели показать себя перед членами экипажа корабля начальниками, представителями русской администрации и даже предъявляли документы, подтверждавшие их статус [34, с. 160]. Взамен они ждали особого к себе отношения, выражавшегося в повышенном внимании и подарках.

Данная логика внедрялась «на чукотскую почву» самими русскими. С одной стороны, чиновники, путешественники, миссионеры активно пользовались практикой преподнесения подарков, часто принимавшей форму обмена, с целью установления доброжелательного контакта с чукчами [35, с. 141–142, 144; 36, с. 280, 289; 37, с. 178, 294; 38, с. 238–241]. В обмен на подарки русские получали мясо, одежду, сведения, услуги и пр.

С другой стороны, русские, как мы видели, искали начальников, чтобы одарить их наиболее щедрым образом. Чукчи уловили эту связь, тем более что она выражалась символически: ценные подарки и знаки отличия в виде медалей, свидетельств, кафтанов сопутствовали друг другу и даже предполагали друг друга. Уже в 1791 г. зашиверский земской исправник Баннера в своем рапорте якутскому коменданту Козлову Угренину подчеркивал необходимость награждения чукотских тойонов. Он сам наградил чукотских тойонов «из казны *кортиками*, а за неприсылкою

сукон собственными ... **кафтанами** с вышивкою вензеля ея императорского величества и ... **табаком**» (курсив Е. Д.) [39, с. 188].

Упомянутый Император был не только одарен ценными и нужными в повседневной жизни вещами, но также награжден золотой медалью на ленте. Через толмача капитан И.И. Биллингс объяснил чукче символическое значение данного предмета. «Сия медаль, – сказал он, – дается Императору и его потомкам от имени е. и. в. всероссийской государыни за усердие его к россиянам и за обещанное им вспоможение в исполнении ее повеления» [40, с. 241].

Итак, мы рассмотрели некоторые «процедуры потребления» чукчами законов, идеологий, действий Российского государства в конце XVIII – XIX вв. Приведенный материал показывает, что чукчи охотно и даже с большим желанием шли на контакт с русскими. Ими двигало и любопытство, и прагматический, главным образом экономический, интерес, и понимание неизбежности такого соседства. В то же время навязываемые сильным соседом порядки часто не устраивали местных жителей. В XIX в. сопротивление чукчей государству в основном осуществлялось не военными действиями (как это происходило в XVII–XVIII вв.), ни уходом от влияния государства всевозможными средствами, наподобие тех, что были описаны Дж. Скоттом [41], а через «процедуры потребления» навязываемых порядков. Чукчи «избирательно использовали различные элементы русской цивилизации» [42]. Диалог с государством, а именно с его отдельными представителями – русскими людьми, позволял чукчам использовать новые реалии в своих интересах, в частности накопления разных видов «капитала»: экономического, культурного, социального.

Ссылки и примечания:

1. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М. ; Л., 1965. 403 с.
2. Зуев А.С. Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII–XVIII век : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2005. 23 с.
3. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013. 330 с.
4. Там же. С. 41.
5. Там же. С. 41–42.
6. Там же. С. 42.
7. Данное сравнение см.: Бочаров В.В. Политическая антропология // Антропология власти : хрестоматия по полит антропологии : в 2 т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 14–48.
8. Эрым – начальник, глава, староста (пер. с чукот.).
9. Молл Т.А., Инэнликэй П.И. Чукотско-русский словарь : пособие для учащихся 5–9 классов общеобразоват. учреждений. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. 239 с.
10. См.: Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. М., 1948. 455 с.
11. Вдовин И.С. Указ. соч. С. 139, 141.
12. Зуев А.С. Ясак, подданство и договорной дарообмен: чукотский вариант (XVII–XIX вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 84–92.
13. Ярузуткина А.А. Проблемы и перспективы этнографического и историко-антропологического исследования торговли, обмена и дарообмена у чукчей // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 143–148.
14. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. 303 с.
15. Павлинская Л.Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII – начало XVIII в.). Вместо предисловия // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сб. ст. СПб., 2014. С. 3–67.
16. Вдовин И.С. Указ. соч. С. 142, 146.
17. Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах : в 2 т. Т. 1. СПб., 1894. 595 с.
18. Там же. С. 96, 97.
19. Там же. С. 97.
20. Там же. С. 96.
21. Там же. С. 90–94.
22. Там же. С. 192.
23. Там же. С. 101.
24. Вдовин И.С. Указ. соч. С. 248.
25. Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. 562 с.
26. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому океану и Восточному океану. М., 1952. 326 с.
27. Там же. С. 239.
28. Там же. С. 241.
29. Майдель Г.Л. Указ. соч. С. 213.
30. Врангель Ф.П. Указ. соч. С. 294–297.
31. Там же. С. 297.
32. Норденшельд А.Э. Плавание на «Вега» : в 2 т. Т. 1. Л., 1936. 503 с.
33. Там же. С. 102–103.
34. Там же. С. 160.
35. См.: Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин»: 1826–1829. Изд. 2-е. М., 1948. 304 с.
36. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк. СПб., 1912. 428 с.
37. Врангель Ф.П. Указ. соч. С. 178, 294.
38. Сарычев Г.А. Указ. соч. С. 238–241.
39. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке : сб. арх. материалов. Л., 1935. 212 с.
40. Сарычев Г.А. Указ. соч. С. 241.
41. Znamenski A.A. Vague sense of belonging to the Russian Empire: The reindeer Chukchi's status in nineteenth century Northeastern Siberia // Arctic Anthropology. 1999. Vol. 36 (1–2). P. 19–36.
42. Scott J. The Art of not being governed: An anarchist history of upland Southeast Asia. New Haven ; London, 2009. 442 p.

References and notes:

1. Vdovin, IS 1965, *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*, Moscow; Vdovin, IS 1965, *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*, Leningrad, p. 403.
2. Zuev, AS 2005, *Joining the extreme North-East of Siberia to the Russian military-political aspect. The second half of XVII-XVIII century*: D.Phil. thesis abstract, Tomsk, p. 23.
3. Certeau, M de 2013, *The invention of everyday life. 1. The art of making*, St. Petersburg, p. 330.
4. Certeau, M de 2013, *The invention of everyday life. 1. The art of making*, St. Petersburg, p. 41.
5. Certeau, M de 2013, *The invention of everyday life. 1. The art of making*, St. Petersburg, pp. 41-42.
6. Certeau, M de 2013, *The invention of everyday life. 1. The art of making*, St. Petersburg, p. 42.
7. This comparison see : Bocharov, VV 2006, 'Political Anthropology', *Anthropology power: a reader on political anthropology: in 2 vols.*, vol. 1, *Power in the anthropological discourse*, St. Petersburg, pp. 14-48.
8. Erym - head, head, headman (trans. From the Chukchi).
9. Moll, TA & Inenlikey, PI 2005, *Chukchi-Russian Dictionary: A Handbook for students grades 5-9 general education*. Institutions, 2nd ed., St. Petersburg, p. 239.
10. See : Wrangel, FP 1948, *Journey to the northern shores of Siberia and on the Arctic Sea, committed in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824. expedition under the command of Navy Lieutenant FP Wrangel*, Moscow, p. 455.
11. Vdovin, IS 1965, *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*, Moscow; Vdovin, IS 1965, *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*, Leningrad, pp. 139, 141.
12. Zuev, AS 2009, 'Tribute, citizenship and gift exchange contract: Chukchi version (XVII-XIX cc.)', *Ural Historical Journal*, no. 2 (23), pp. 84-92.
13. Yarzutkina, AA 2012, 'Problems and perspectives of ethnographic and historical and anthropological research, of trade, exchange and gift exchange among the Chukchi', *Theory and practice of social development*, no. 7, pp. 143-148.
14. Olsufiev, AV 1896, *The overall sketch of the Anadyr districts of its economic status and living conditions of the population*, St. Petersburg, p. 303.
15. Pavlinskaya, LR 2014, 'Features of Russian colonization of Siberia (XVII - beginning of XVIII century.). Instead the preface in the context of Siberia', *Russian colonization model (XVII - beginning of XX century.): collection*, St. Petersburg, pp. 3-67.
16. Vdovin, IS 1965, *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*, Moscow; Vdovin, IS 1965, *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*, Leningrad, pp. 142, 146.
17. Maidel, GL 1894, *Travel north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870 years: in 2 vols.*, vol. 1, St. Petersburg, p. 595.
18. Maidel, GL 1894, *Travel north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870 years: in 2 vols.*, vol. 1, St. Petersburg, pp. 96, 97.
19. Maidel, GL 1894, *Travel north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870 years: in 2 vols.*, vol. 1, St. Petersburg, p. 97.
20. Maidel, GL 1894, *Travel north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870 years: in 2 vols.*, vol. 1, St. Petersburg, p. 96.
21. Maidel, GL 1894, *Travel north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870 years: in 2 vols.*, vol. 1, St. Petersburg, pp. 90-94.
22. Maidel, GL 1894, *Travel north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870 years: in 2 vols.*, vol. 1, St. Petersburg, p. 192.
23. Maidel, GL 1894, *Travel north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870 years: in 2 vols.*, vol. 1, St. Petersburg, p. 101.
24. Vdovin, IS 1965, *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*, Moscow; Vdovin, IS 1965, *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*, Leningrad, p. 248.
25. Bourdieu, P 2001, *Practical sense*, St. Petersburg, p. 562.
26. Sarychev, GA 1952, *Travel north-eastern Siberia, the Arctic Ocean and the Eastern Ocean*, Moscow, p. 326.
27. Sarychev, GA 1952, *Travel north-eastern Siberia, the Arctic Ocean and the Eastern Ocean*, Moscow, p. 239.
28. Sarychev, GA 1952, *Travel north-eastern Siberia, the Arctic Ocean and the Eastern Ocean*, Moscow, p. 241.
29. Maidel, GL 1894, *Travel north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870 years: in 2 vols.*, vol. 1, St. Petersburg, p. 213.
30. Wrangel, FP 1948, *Journey to the northern shores of Siberia and on the Arctic Sea, committed in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824. expedition under the command of Navy Lieutenant FP Wrangel*, Moscow, pp. 294-297.
31. Wrangel, FP 1948, *Journey to the northern shores of Siberia and on the Arctic Sea, committed in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824. expedition under the command of Navy Lieutenant FP Wrangel*, Moscow, p. 297.
32. Nordensheld, AE 1936, *Swimming at "Vega": in 2 vols.*, vol. 1, Leningrad, p. 503.
33. Nordensheld, AE 1936, *Swimming at "Vega": in 2 vols.*, vol. 1, Leningrad, pp. 102-103.
34. Nordensheld, AE 1936, *Swimming at "Vega": in 2 vols.*, vol. 1, Leningrad, p. 160.
35. See : Litke, FP 1948, *Travel around the world on a military sloop "Senyavin": 1826-1829*, 2nd ed., Moscow, p. 304.
36. Unterberger, PF 1912, *Amur Region. 1906-1910 years. Essay*, St. Petersburg, p. 428.
37. Wrangel, FP 1948, *Journey to the northern shores of Siberia and on the Arctic Sea, committed in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824. expedition under the command of Navy Lieutenant FP Wrangel*, Moscow, pp. 178, 294.
38. Sarychev, GA 1952, *Travel north-eastern Siberia, the Arctic Ocean and the Eastern Ocean*, Moscow, pp. 238-241.
39. *The colonial policy of tsarist Kamchatka and Chukotka in XVIII century*: sat. architect. materials 1935, Leningrad, p. 212.
40. Sarychev, GA 1952, *Travel north-eastern Siberia, the Arctic Ocean and the Eastern Ocean*, Moscow, p. 241.
41. Znamenski, AA 1999, 'Vague sense of belonging to the Russian Empire: The reindeer Chukchi status in XIX th century Northeastern Siberia', *Arctic Anthropology*, vol. 36 (1-2), pp. 19-36.
42. Scott, J 2009, *The Art of not being governed: An anarchist history of upland Southeast Asia*, New Haven; Scott, J 2009, *The Art of not being governed: An anarchist history of upland Southeast Asia*, London, p. 442.